

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ

(К постановке вопроса)

Вопрос о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития, всегда составлял одну из центральных тем этнографической науки. Давно уже обращали на себя внимание исследователей такие требующие объяснения факты, как значительное в ряде случаев сходство в культуре народов, говорящих на различных языках, и, напротив, большое культурное разнообразие среди народов, говорящих на родственных языках. Далеко не всегда это сходство или различие может быть объяснено уровнем социально-экономического развития. Попытки разрешения этих вопросов в буржуазной этнографии делались представителями разных школ и направлений. Последователи так называемой «культурно-исторической школы» конструировали определенные «культурные круги», или «культурные комплексы», распространением которых из гипотетических центров они и объясняли сходство в культуре народов различных материков. Так, например, «меланезийскую культуру лука» они находили не только в Меланезии, но и в Западной Тропической Африке, и в бассейне Амазонки и связывали эту общность с миграциями культур. Для Гребнера, Анкермана, Шмидта и других адептов этой школы культурные круги представляли собой некую имманентную сущность, не связанную с определенными этническими группами. Сама культура рассматривалась ими как нечто самодовлеющее, оторванное от реальных народов.

Известной разновидностью того же направления можно считать школу американских диффузионистов. Представители этой школы видели разгадку сходства культуры разных народов в распространении (диффузии) отдельных культурных элементов. И у них эти культурные элементы распространяются независимо один от другого, без всякой связи с конкретной историей человеческого общества и отдельных народов.

Американский этнограф Уисслер разработал вопрос о «культурных ареалах» применительно к доколумбовой Америке. Эта попытка обобщения фактического материала в свое время, несомненно, сыграла положительную роль в развитии наших представлений о культурах коренного населения Америки. К сожалению, дальнейшее развитие американской этнографии пошло по иному пути, который привел реакционную часть американских этнографов к научно бесплодному и противоречащему духу гуманизма учению о «моделях культуры». Агностицизм, проявляющийся в современной буржуазной науке, стремление отрицать всякие закономерности в истории человеческого общества нашли свое отражение в том, что

вопросы о причинах сходства и различия в культуре различных народов или не ставятся совсем, или разрешаются с позиций расовой теории — объявляются порождением расового сходства или различия¹.

Указанные направления противоречат научному объяснению причин сходства и различия в культуре отдельных народов.

Марксистская наука вскрыла общие закономерности развития человеческого общества, определила решающие факторы этого развития и открыла путь для подлинно научного объяснения рассматриваемых вопросов. В процессе изучения этих вопросов советские этнографы сформулировали понятие о «хозяйственно-культурных типах», или группах, и о «историко-этнографических» («историко-культурных») областях. Более подробно был разработан вопрос о хозяйственно-культурных типах. С ним был освещен в работах С. П. Толстова, не только сформулировавшего понятие о хозяйственно-культурных типах, но и сделавшего попытку отметить их историко-хронологическое соотношение². На материалах археологии и этнографии Северной Азии эта тематика разрабатывалась А. М. Золотаревым, А. П. Окладниковым, М. Г. Левиным³. Менее разработанным остается вопрос об историко-этнографических областях⁴.

Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития. Мы говорим именно о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, так как направление хозяйства и географическая среда в очень значительной степени определяют особенности материальной культуры народов — типы их поселений и жилища, средства передвижения, пищу и утварь, одежду и т. д. Речь идет об исторически сложившихся чертах хозяйства и культуры, потому что к одному хозяйственно-культурному типу могут быть отнесены только народы, характеризующиеся близким уровнем развития производительных сил. Таким образом, говоря о направлении хозяйственной деятельности, мы в то же время подчеркиваем необходимость принимать во внимание и самый уровень ее развития.

Приведем несколько примеров конкретных хозяйственно-культурных типов. Так, у народов Северной Сибири до самого недавнего времени был представлено несколько основных хозяйственно-культурных типов, восходящих к различным эпохам и относящихся к различным этапам развития социально-экономических отношений. Это следующие типы: 1 — таежные охотники и рыболовы; 2 — арктические охотники на морского зверя.

¹ Критический разбор различных направлений буржуазной этнографии см., например, в следующих работах: С. П. Толстов, *Расизм и теория культурных кругов*, Сборник «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938, стр. 137—170; Сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том XII, М., 1951; М. Г. Левин и С. А. Токарев, *Культурно-историческая школа на новом этапе* (По поводу сборника «Kultur und Sprache»), «Советская этнография», 1953, № 4, стр. 148—156.

² См. С. Толстов, *Очерки первоначального ислама*, «Советская этнография» 1932, № 2, стр. 31—33. Более развернуто эти вопросы излагались С. П. Толстовым в курсе общей этнографии, который он в течение ряда лет читал на историческом факультете Московского гос. университета (см. Программу курса «Основы этнографии для исторических факультетов гос. университетов», изд. МГУ, М., 1949).

³ См. «Обзор прений по докладам по этногенезу народов Севера», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 129—132, а также М. Г. Левин, *К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947.

⁴ Эти вопросы частично освещались в ряде работ С. П. Толстова, С. А. Токарева и авторов настоящей статьи, опубликованных в послевоенные годы в журнале «Советская этнография» и в «Кратких сообщениях Института этнографии». В зарубежной литературе также появились работы, посвященные этой тематике; см., например К. Н. Otto, *Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkern*, «Ethnografisch-archäologische Forschungen», I, Herausgegeben von H. Kothe und K. N. Otto, Berlin, 1953.

3 — рыболовы бассейнов крупных рек; 4 — охотники-оленоводы тайги; 5 — оленеводы тундры. Первый тип был характерен для юкагиров, занимавших в прошлом огромные пространства Восточной Сибири, для удэгейцев, отчасти орочей; сюда же относились отдельные безоленные группы манси, хантов, кетов. В хозяйстве этих народов важную роль играла охота на пушного зверя, требовавшая постоянных передвижений во время охотничьего сезона и связанная поэтому с подвижным образом жизни. Пушная охота — явление относительно позднее в истории народов Севера; она была вызвана развитием обмена, тем спросом на северные меха, который предъявляли рынки Китая, Средней Азии, а в последние столетия — русский рынок. Развитие пушной охоты знаменовало разложение древнего натурального хозяйства таежных охотников и рыболовов, в котором важнейшее значение имела охота на мясного зверя. Археологические материалы по таежной полосе Средней Сибири позволяют реконструировать этот хозяйственно-культурный тип, который своими корнями восходит к палеолиту и хорошо прослеживается в неолите Прибайкалья, Якутии и далее к западу и востоку⁵. Этот тип характеризуется отсутствием выраженной специализации в хозяйстве: охота на мясного зверя совмещается с рыболовством, роль которого очень велика; большое значение имеет, повидимому, подледный лов рыбы. Упряжное собаководство и оленеводство еще отсутствуют. Многие элементы этого древнего типа сохранились у охотников тайги в позднейшее время. Землянка или полуземлянка как зимнее жилище, легкий шалаш (часто типа конического чума) как летнее жилище, охотничья ручная нарта — в качестве основного сухопутного транспортного средства, лодки-берестянки и однодеревки, распахная одежда из шкур, — таковы некоторые характерные особенности материальной культуры охотников и рыболовов тайги.

В специфических условиях арктического побережья, богатого морским зверем, выработался иной хозяйственно-культурный тип — арктических охотников и рыболовов. Обилие основных объектов охоты — различных морских животных — обеспечивало длительное пребывание на одном месте, оседлый образ жизни. В связи с этим сложился и характерный тип жилища — землянка. Отсутствие дерева в безлесных пространствах арктического побережья привело к возникновению своеобразного типа отопления и освещения — жировой лампы. Вместо дерева и бересты здесь основным материалом служит кожа морского зверя, идущая на изготовление лодок (каяк, байдара), домашней утвари и т. д. Возможность прокормить значительное количество собак позволила развить упряжное собаководство как основной вид сухопутного транспорта. Характерна также для арктических охотников глухая (не распахная) одежда. Ее преимущество в том, что она хорошо сохраняет тепло, недостаток же в том, что она стесняет свободу движений. В условиях подвижного образа жизни таежных охотников этот недостаток делает глухую одежду совершенно непригодной; в условиях же оседлого образа жизни арктических охотников, пользующихся для дальних переездов собаками, преимущества такой одежды очевидны, а ее недостатки здесь отступают на второй план. Этот хозяйственно-культурный тип был характерен для эскимосов, приморских чукчей и отчасти коряков. Судя по археологическим данным, он был широко распространен по берегу Ледовитого океана далеко на запад. Хронологически возраст этого типа недостаточно выяснен. Он очень ясно представлен археологическими материалами так называемой берингоморской культуры, датируемой рубежом нашей эры⁶, но восходит, как можно предполагать, к значительно более древнему времени.

⁵ См. А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. I и II, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цит. МИА), 18, 1950 (приведена обширная библиография).

⁶ Обзор обширной литературы по данному вопросу см.: С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947.

В бассейнах крупных рек Сибири, богатых рыбой (Амур, Обь и некоторые другие), издавна возник и развился еще один хозяйственно-культурный тип, экономическую основу которого составило рыболовство. Основная пища здесь в течение круглого года — рыба, которая во время рыболовного сезона заготавливается впрок, главным образом в вяленом виде (юкола). И для этого типа характерны сравнительно оседлый образ жизни, постоянное жилище, нередко типа землянки или полуземлянки. И здесь, независимо друг от друга, в разных районах развивается упряжное собаководство. В качестве материала для одежды широко используются рыба и кожа, обработка которой достигает высокой степени совершенства. Характерными представителями этого типа были нивхи (гиляки) в низовьях Амура, некоторые группы хантов и манси по Оби и ее притокам; этот же тип в древности преобладал и у ительменов Камчатки, описанных в середине XVIII в. С. П. Крашенинниковым.

Распространение оленеводства, возникшего у народов Северной Азии под влиянием коневодства⁷, привело к развитию на основе древнего типа таежных охотников нового хозяйственно-культурного типа — таежных охотников-оленьеводов. В условиях тайги оленеводство получило преимущественно транспортное значение. Появление этого нового вида транспорта сделало таежного охотника еще более подвижным, позволило ему значительно расширить район кочевания. Основные особенности материальной культуры с распространением оленеводства остались в значительной степени прежними: тот же чум, лодка-берестянка, распахнутый тип одежды и т. д. Оленеводство в этом хозяйственно-культурном типе — выючно-верховое, что связано, с одной стороны, с малой пригодностью нартовой езды в сибирской тайге, с другой же стороны, — с небольшими размерами оленьего стада. Самыми характерными представителями этого типа являются эвенки, расселившиеся на огромном пространстве от Енисея до Охотского побережья. Сюда же относятся эвены (ламуты) и некоторые другие группы таежной полосы Сибири.

Наконец, в полосе тундры выработался в еще более позднее время хозяйственно-культурный тип оленеводов тундры. Богатые пастбища пространства тундры создали возможность значительного увеличения численности оленьих стад. Здесь олень является не только и даже не столько транспортным животным, сколько основным источником существования: мясо его — главная пища, шкура служит и для изготовления одежды, для покрытия жилища, и для разных домашних поделок. Транспортное оленеводство — нартово-упряжное. Одежда — глухого покроя; при езде на оленней нарте в открытой тундре она вполне пригодна; при верховой езде на олене в тайге одежда этого типа, напротив, неудобна. Рассматриваемый хозяйственно-культурный тип имеет две географические области распространения: на крайнем северо-востоке Сибири у чукчей и коряков и на северо-западе — у ненцев и соседних с ними народов.

Мы довольно подробно остановились на хозяйственно-культурных типах Сибири с тем, чтобы показать, что: 1) один и тот же хозяйственно-культурный тип может сложиться у разных народов и в разных, даже отдаленных друг от друга областях при условии одинакового уровня развития производительных сил в сходной географической среде; 2) различные типы на той или иной территории имеют определенную историческую преемственность — на основе одного типа в известных исторических условиях развивается другой; 3) особенности культуры, характерные для каждого типа, определяются в первую очередь направлением хозяйства в данных географических условиях.

Сформулированные нами положения становятся особенно очевидными, если выйти за пределы Сибири. Так, у эскимосов и индейцев Севера

⁷ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение «Советская этнография», 1951, № 1.

Америки из пяти описанных хозяйственно-культурных типов еще в начале XIX в. были отчетливо представлены первые три. Таежные охотники и рыболовы до экспансии европейцев занимали огромные пространства всей лесной полосы современной Канады и севера Соединенных Штатов между Тихим и Атлантическим океанами (многие алгонкинские и атапаскские племена). Если в Сибири, как указывалось выше, тип этот сохранялся лишь в виде реликтов, с развитием оленеводства уступив свое место другому, то в Америке, куда оленеводство не проникло, характерные особенности хозяйства и культуры таежных охотников и рыболовов сохранялись в полной мере. Представлены в Северной Америке также типы оседлых рыболовов и арктических охотников на морского зверя. К первому из них относились главным образом племена северо-западного побережья (тлинкиты, хайда и другие), у которых на основе развитого рыболовства возникли прочная оседлость, постоянные деревянные жилища и другие черты рассматриваемого хозяйственно-культурного типа⁸. Арктические охотники представлены в Северной Америке эскимосами, расселенными в Арктике от Аляски на западе до Гренландии на востоке. Отсутствие оленеводства и в этом случае способствовало более полному сохранению древнего типа⁹.

Если в Сибири и Северной Америке хозяйственно-культурные типы, характерные для ранних этапов исторического развития, хорошо прослеживаются на этнографических материалах, то в Европе, народы которой давно уже прошли эти этапы, древние хозяйственно-культурные типы могут быть выделены преимущественно по данным археологии. Так, например, большинство населения лесной полосы Восточной Европы между Уралом и Балтийским морем в период развитого неолита (III—II тысячелетия до н. э.) принадлежало к таежным охотникам и рыболовам, с которыми связываются хорошо изученные советскими археологами различные варианты культур с ямочно-зубчатой керамикой. Сходные формы хозяйства и культуры примерно в то же время были характерны и для племен Скандинавии и Британских островов, оставивших так называемую «культуру стоянок» и памятники типа Питерсбору. В прибрежных районах больших европейских рек и озер развитие хозяйства неолитического населения шло в сторону усиления роли рыболовства и возникновения на базе более прочной оседлости характерных черт хозяйственно-культурного типа оседлых рыболовов. Можно предполагать на основании археологических данных также существование на крайнем севере Европы — на берегах Ледовитого океана — древней культуры охотников на морского зверя. Оленеводство в Европе не получило широкого распространения, если не считать своеобразного оленеводства лопарей, возможно, также связанного с Сибирью, и оленеводства ненцев, бесспорно сибирского происхождения. Таким образом, этнографические и археологические материалы по Америке и Европе еще раз подтверждают вывод об отсутствии обязательной связи между хозяйственно-культурными типами и определенными этническими общностями¹⁰.

⁸ Следует отметить, однако, что упряжное собаководство здесь не развилось.

⁹ Как уже указывалось, попытка дать картину географического распространения культурных типов у американских индейцев была сделана К. Уисслером (Kl. Wissler, *American Indians*, N. Y., 1922). Уисслер выделил ряд «культурных ареалов», как, например, ареал возделывателей маиса, ареал рыболовов лосося, ареал охотников за бизонами и другие. Однако эти ареалы определены им недостаточно четко: с одной стороны, это, бесспорно, хозяйственно-культурные типы, с другой же стороны, некоторые из этих ареалов представляют собой не столько хозяйственно-культурный тип, сколько историко-культурную область. Все же заслуга Уисслера несомненна, и мы в какой-то степени можем назвать его в числе своих предшественников в разработке данных вопросов.

¹⁰ Археологическая литература о неолитических культурах лесного севера Восточной Европы очень обширна. Из новейших работ советских авторов можно указать: А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952; М. Е. Фосс, *Древнейшая история севера Европейской части СССР*, МИА, 29, М., 1952. В указанных работах приведена и обширная библиография.

Очевидно, что перечисленные хозяйственно-культурные типы охватывают только небольшую часть эйкумены. Ни в какой степени не став перед собой задачи дать сколько-нибудь полный обзор всех хозяйственно-культурных типов мира, мы перечислим основные из них, наиболее распространенные в различных частях света, и попытаемся наметить их историко-хронологическое соотношение.

Одним из древнейших среди ныне сохранившихся хозяйственно-культурных типов, возраст которого восходит по крайней мере к раннему неолиту, является тип собирателей и охотников тропических лесов. Его представителями можно считать в Южной и Юго-Восточной Азии веддов Цейлона, сеноев и семангов Малакки, кубу Суматры, тоала Целебеса в Африке сюда относятся так называемые пигмеи бассейна Конго; в Южной Америке — ряд племен бассейна Амазонки, почти не знакомых земледелием (сириано, курунгуа и другие). Можно предполагать, что в прошлом тип этот был распространен значительно шире: к нему принадлежало, вероятно, все древнейшее население тропического пояса. Возникновение и распространение мотыжного земледелия привело к постепенному сокращению ареала этого типа; процесс этот прослеживается вплоть до настоящего времени (сенои и семанги, например, к мотыжному земледелию перешли совсем недавно).

Сходен с этим типом по уровню развития производительных сил другой хозяйственно-культурный тип — охотников и собирателей степей и полупустынь. По этнографическим данным этот тип выступает наиболее ясно у австралийцев, а также у бушменов Южной Африки и ботокудов Бразильского плоскогорья. Археологические данные позволяют предполагать, что в далеком прошлом — в эпоху мезолита — он был распространен в степях и полупустынях многих областей земного шара. Так, можно думать, что он был представлен в Центральной и Средней Азии, в Передней Азии и Северной Африке, где племена охотников и собирателей предшествовали скотоводам.

Исторически более поздним хозяйственно-культурным типом, получившим широкое распространение в тропиках и отчасти в субтропиках, является тип мотыжных земледельцев жаркого пояса. Он представлен, например, различными отсталыми группами Индии, Индо-Китаю, южной Китая и Индонезии, папуасами, меланезийцами, многочисленными племенами тропической Африки, племенами бассейнов Амазонки и Ориноко в Южной Америке. По уровню своего развития перечисленные народы не одинаковы, но основные особенности рассматриваемого хозяйственно-культурного типа проявляются у них достаточно ясно (мотыжное земледелие с культивированием в основном корнеплодов и клубнеплодов, наличие из домашних животных только собаки и у некоторых групп свиньи, домашней птицы, сравнительно прочная оседлость, каркасно-столбовые постоянные жилища, преимущественно прямоугольного плана, скудная поясная одежда из растительных волокон, наличие гончарства без гончарного круга, высоко развитое искусство плетения при отсутствии ткачества и многое другое).

К зоне преобладания типа мотыжных земледельцев жаркого пояса северном, а частично и в южном полушарии, с неолитического периода прилегал почти столь же обширная область распространения другого хозяйственно-культурного типа — мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий. К этому типу можно отнести неолитические племена Азии, Европы, оставившие памятники таких культур, как Яншао в северной Китае, Анау в Средней Азии, Триполье и близкие к нему культуры с крашеной керамикой на юго-востоке Европы¹¹. Для всех этих культур харак-

¹¹ О «культурах крашеной керамики» литература очень обширна. Из новейших монографий советских авторов см. Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, 10, М., 1949.

терны такие особенности, как развитое мотыжное земледелие с преобладающей ролью зерновых, в первую очередь пшеницы и проса (а в Америке — маиса), наличие крупного и мелкого рогатого скота, оседлый образ жизни, плоскодонная керамика, часто с богатой полихромной росписью, изготовлявшаяся еще без помощи гончарного круга, прямоугольное каркасно-столбовое жилище с земляным или глинобитным полом и плетеными, обмазанными глиной, или глинобитными стенами; для этого типа характерно также ткачество на примитивном стане. На более высоком уровне развития здесь возникает искусственное орошение.

В различных областях степной зоны и в разное время соотношение земледелия и скотоводства не оставалось, конечно, одинаковым. В Америке, где к рассматриваемому хозяйственно-культурному типу можно отнести племена индейцев «пуэбло», а также многие народы области древних высоких культур Центральной Америки и Андийского нагорья, скотоводство, как известно, или вовсе отсутствовало или, хотя и возникло, но не получило большого распространения (лама и альпака). Во многих районах Восточной, Средней и Передней Азии, а также Южной Европы и Северной Африки, где географические условия вызвали необходимость и обеспечивали возможность применения ирригации, на базе того же хозяйственно-культурного типа в дальнейшем сложились высокие культуры плужных земледельцев. На основе плужного земледелия развивались, как известно, древнейшие классовые общества и государства.

В условиях степного ландшафта, где отсутствовали возможности широкого развития орошения, но зато имелись обильные пастбища, все большее и большее экономическое значение приобретало скотоводство. Преобладающая хозяйственная роль скотоводства характерна, например, для так называемых «культур степной бронзы» II тысячелетия до н. э. (андроновская культура Казахстана и Южной Сибири, тазабагьябская культура Хорезма, срубно-хвалынская культура южнорусских степей, различные культуры со шнуровой керамикой в Восточной и Центральной Европе и другие)¹². В значительно более позднее время (I тысячелетие до н. э.), уже на грани классового общества, возникает новый хозяйственно-культурный тип — кочевнико-скотоводов. Хозяйство здесь высоко специализировано; как показывает самое название этого типа, он связан с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов. Основу питания составляет мясная и молочная пища, в связи с чем способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды квашеного молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносный шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти, ткаными или валяными, или, реже, кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует. Если из древних народов характерными представителями этого типа можно считать скифов-кочевников и сарматов, то из современных народов к нему следует отнести монголов, значительную часть тибетцев, казахов, киргизов и часть туркмен (до периода социалистической реконструкции их хозяйства), кочевые иранские, тюркские и арабские племена стран Передней Азии и Северной Африки. Сюда же относятся, в известной степени, некоторые народы Восточной и Южной Африки.

Еще одним хозяйственно-культурным типом можно считать земледельцев лесной зоны умеренного пояса. В лесных областях Европы тип этот был широко распространен с периода позднего неолита вплоть до про-

¹² См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953.

никновения сюда с юга плужного земледелия на заре классового общества. Экономическую основу рассматриваемого типа составляло подсечно-огневое земледелие, главными сельскохозяйственными культурами были ячмень, овес и рожь. Заметную, но все же подсобную роль играло скотоводство (главным образом крупный рогатый скот и свиньи). Существенное хозяйственное значение сохраняли рыболовство и охота. Заметную роль играло также бортничество. Образ жизни — оседлый. Жилище — деревянное (каркасно-столбовое или срубное), обычно с высокой крышей, внутренним очагом или печью, иногда полуземляночное. Развито гончарство, различные виды обработки дерева; известно ткачество (главным образом из льна и конопли). В лесной зоне Европы и, может быть, некоторых областей Азии (например, Маньчжурия, Северная Корея, Уссурийский край) рассматриваемый тип пришел на смену более древнему на этих территориях хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов тайги; это было связано с распространением земледелия из более южных районов. Придя на смену древнему типу, мотыжные земледельцы лесной полосы унаследовали от него многие хозяйственные и культурные черты: орудия охоты и рыболовства, типы лодок (берестянка и однодеревка), лыжи и др. В Европе к рассматриваемому хозяйственно-культурному типу относились, несомненно, предки славянских, балтийских (лето-литовских), германских, кельтских, а частично и угрофинских народов¹³.

Этим, конечно, далеко не исчерпывается все разнообразие хозяйственно-культурных типов земного шара. Мы вовсе не касались таких, географически более ограниченных типов, как типы высокогорных земледельцев и скотоводов (Тибет, Памир, Кавказ и др.), кочевников-охотников степей (прерии и пампасы Америки), примитивных рыболовов-собирателей морских побережий (Огненная земля, Андаманские острова) и др. Но авторы и не ставили перед собой, как указывалось, таких задач, а имели в виду дать общее понятие о хозяйственно-культурных типах, их распространении и историко-хронологическом соотношении.

До сих пор при характеристике хозяйственно-культурных типов мы касались только материального производства. Несколько слов о социальной организации и идеологии. Общественный строй различных народов того или иного хозяйственно-культурного типа связан с этим типом, поскольку он отражает определенный уровень развития производительных сил. Так, например, у таежных охотников и рыболовов (если отсутствовал обмен с более развитыми обществами) не было экономической основы для возникновения сколько-нибудь заметного имущественного неравенства; у оленеводов, особенно в тундре, напротив, такой основой служило сосредоточение значительного количества оленей в руках отдельных хозяев.

В большей степени, чем в социальном строе, различия между хозяйственно-культурными типами проявляются в области духовной культуры. И здесь различия определяются уровнем развития производительных сил; однако известную роль играет и направление хозяйства. С этим направлением связаны, несомненно, некоторые особенности изобразительного искусства, фольклора (например, образы культурных героев), первобытной религии и культа (пантеон духов, представления о загробной жизни, космогонические мифы и т. д.).

Переходим к определению понятия «историко-этнографической», или «историко-культурной», области. Под историко-этнографической областью мы понимаем территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность. Следует сразу же подчеркнуть, что понятие историко-этнографической области — категория историческая. Ни характерные особенности, ни границы исто-

¹³ См., например, П. Н. Третьяков, Указ. раб.

рико-этнографических областей не остаются неизменными. Однако в каждый конкретный исторический отрезок времени историко-этнографические области представляют вполне определенную реальность.

В результате работ советских этнографов в Сибири¹⁴, например, могут быть выделены следующие историко-этнографические области: ямало-таймырская, западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, камчатско-чукотская и амуро-сахалинская. Первая из них включает почти всех ненцев от низовьев Енисея на востоке до Канинско-Тиманской тундры на западе, в значительной степени энцев и нганасанов, а также северные группы хантов и манси, заимствовавшие оленеводство у ненцев. Все эти группы характеризуются наличием ряда общих культурных особенностей; следует подчеркнуть, что эти особенности не могут быть сведены к общему типу хозяйства — тундровому оленеводству. Здесь общность не ограничивается наличием таких особенностей, как запряжка оленей в нарты, переносный чум, крытый шкурами, глухая меховая одежда и т. д. Сходство проявляется в данном случае во многих культурно-бытовых деталях, которые не могут быть объяснены принадлежностью всех перечисленных народов к определенному хозяйственно-культурному типу, но свидетельствуют, несомненно, о существовании длительных и тесных исторических связей между группами различного происхождения. У всех этих групп распространено упряжное оленеводство особого типа, который характеризуется наличием пастушеской собаки, веерной упряжкой нескольких оленей в массивную нарту с наклонно расположенными копыльями, управлением оленями при помощи вожжи, проходящей слева, и рядом других деталей. Чум также обладает рядом конструктивных деталей, общих у всех этих групп, но не встречающихся у других сибирских народов. То же относится к особенностям покроя и орнаментации одежды. Много общего у всех этих групп и в духовной культуре.

Мы не будем останавливаться на описании всех историко-этнографических областей Сибири, дадим только характеристику камчатско-чукотской и амуро-сахалинской областей, представляющих для нашей темы особый интерес. К камчатско-чукотской области относятся чукчи, коряки и ительмены, говорящие на близко родственных языках, а также эскимосы и алеуты. Культурная общность выявляется здесь не столько на современных этнографических материалах, сколько воссоздается ретроспективным путем. Она восходит к тому времени, когда оленеводство, имеющее здесь сравнительно небольшой возраст, еще не получило распространения. С распространением же оленеводства сложилось положение, при котором единая историко-этнографическая область включает два различных хозяйственно-культурных типа: оленеводов тундры и арктических охотников на морского зверя. Эти хозяйственно-культурные типы бытуют, как известно, даже у одного народа (оленные и приморские чукчи).

На примере чукотско-коряцкого оленеводства, с одной стороны, и ненцкого, с другой, — можно ясно видеть принципиальное различие между хозяйственно-культурным типом и историко-этнографической областью. Хозяйственно-культурный тип у чукчей и коряков, с одной стороны, и у ненцев, с другой, — один и тот же. Тип этот определяется общим направлением их оленеводческого хозяйства (оленеводство мясного направления, использование для транспорта оленней упряжки и т. д.); однако многие существенные черты оленеводства здесь различны: в отличие от ненцев, чукчи и коряки не знают пастушеской собаки, запрягают обычно одного оленя в легкую нарту с гнутыми дугообразными копыльями, управляют оленями вожжей справа и т. д. И в других элементах материаль-

¹⁴ Очень большой материал содержится, в частности, в подготовленном коллективом сектора Сибири Института этнографии под руководством Л. П. Потапова и М. Г. Левина Сибирском этнографическом атласе.

ной культуры при общем их сходстве, обусловленном направлением хозяйства и географической средой, между чукчами и коряками на востоке и ненцами на западе наблюдаются существенные различия.

Наконец, несколько слов об амуро-сахалинской историко-этнографической области. В эту область входят нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, нивхи и в значительной степени негидальцы. Несмотря на языковое разнообразие и существенные различия в хозяйстве и быте, все эти народы обнаруживают значительное сходство по очень многим элементам материальной и духовной культуры. Сходство это настолько велико, и смена одних культурных особенностей другими происходит настолько постепенно (если не считать удэгейцев, более резко обособленных от соседних групп), что — отвлекаясь от языка — очень трудно было бы провести границу между отдельными народами. На примере амуро-сахалинской историко-этнографической области можно проследить, как в результате постепенного проникновения тунгусо-маньчжурских групп в древнюю на этой территории палеазиатскую этническую среду складывалась культурная общность при сохранении кардинальных языковых различий.

Рассмотрение историко-этнографических областей Сибири показывает, что в состав одной историко-этнографической области могут входить группы, различные по языку, происхождению и даже принадлежащие — в некоторых случаях — к разным хозяйственно-культурным типам. Те же отношения можно проследить, рассматривая историко-этнографические области других территорий. В качестве примера приведем соответствующие данные по Восточной Европе. Вполне определенно выделяется в качестве особой историко-этнографической области Среднее Поволжье и Прикамье — зона расселения различных по языку народов: финноязычных мордвы, марийцев, удмуртов и отчасти коми (пермяков), тюркоязычных чувашей, татар и значительной части башкир, а в более позднее время также русских, игравших огромную роль в экономической и культурной истории всей рассматриваемой территории.

Для волго-камской историко-этнографической области характерно, в первую очередь, хорошо прослеживаемое как по археологическим, так и по этнографическим материалам взаимодействие двух хозяйственно-культурных типов — лесных земледельцев и кочевников-скотоводов (при сохранении заметных традиций третьего, еще более древнего типа — охотников и рыболовов лесной полосы). Особенности этих хозяйственно-культурных типов представлены у различных народов Среднего Поволжья и Прикамья в разных пропорциях. Так, например, культурные черты древних охотников и рыболовов лучше всего сохранились у северных башкир, отчасти также у отдельных (преимущественно северных) групп коми-пермяков, удмуртов и марийцев. Земледелие приобрело наибольшее хозяйственное значение, если не считать более поздних пришельцев на этой территории — русских, у мордвы, чувашей (особенно у верховых, «вирьяла»), горных марийцев, татар, южных удмуртов, коми-пермяков и — в меньшей степени — у западных башкир. Традиции, связанные с кочевым скотоводством, наиболее ярко выражены, — если не считать юго-восточных башкир, исторически теснейшим образом связанных с северо-западными казаками, — у татар, частично также у южных удмуртов, «низовых» чувашей («анатри») и мордвы-мокши.

При всем хозяйственно-культурном разнообразии народов волго-камской области у всех у них можно проследить общие этнографические черты, отражающие длительные исторические связи. К подобным чертам относятся, например, бытование такого специфического пахотного орудия, как тяжелый плуг типа сабана, наличие в жилище нар и вмазанного около печи котла, многие формы одежды и головных уборов (туникообразная женская рубаша с вышитым богатым геометрическим орнаментом, штаны, как принадлежность женского костюма, девичья шапочка типа «тахьи» и др.). Если каждую из перечисленных особенностей можно нередко

встретить и за пределами рассматриваемой историко-этнографической области, то их сочетание для нее в высшей степени характерно¹⁵.

В качестве другого примера ясно выделяющейся историко-этнографической области Восточной Европы можно привести Прибалтику. Здесь, как известно, с глубокой древности (по крайней мере со II тысячелетия до н. э.) расселялись и взаимодействовали различные по происхождению и языку этнические группы — лето-литовская (включая прусов), говорящая на балтийских языках, и эстоно-ливская, говорящая на прибалтийско-финских (западнофинских) языках. Принеся в Прибалтику различные хозяйственно-культурные типы — лесных охотников и рыболовов у предков прибалтийских финнов, скотоводов и земледельцев у предков лето-литовцев — и обладая различными культурно-бытовыми особенностями, эти народы в ходе длительного исторического взаимодействия выработали много общего и в хозяйстве, и в культуре. Существенную роль в этом процессе сыграли тесные связи всех народов Прибалтики с соседними славянами, главным образом восточными (русские и белорусы), а частично и западными (поляки); в этом же направлении действовали и влияния, шедшие с запада (из Скандинавии и Германии), которые коснулись, хотя и в разной мере, также всех народов Прибалтики.

Несмотря на резкие различия в языке между литовцами и латышами, с одной стороны, эстонцами и ливами, с другой, — всем им свойственны многие общие хозяйственные и культурно-бытовые черты. Перечислим лишь некоторые из них: широкое распространение в прошлом двухлемешной сохи в качестве основного пахотного орудия и молотба при помощи палкообразного била или цепа, значительная хозяйственная роль коневодства¹⁶ и свиноводства, повсеместное распространение срубного жилища с духовой печью или камином, наличие хлебосушилок с печью (риги), туникообразная рубаша с наплечными нашивками, кругло-выпуклые женские застежки (по-латышски «скаты») и др.

На примере прибалтийской историко-этнографической области можно рассмотреть и следующий важный для нашей темы вопрос — о подразделениях внутри историко-этнографических областей. Выделяя в предыдущем изложении такие области в Сибири и в Восточной Европе, мы оперировали обширными географическими территориями. Необходимо подчеркнуть, что внутри подобных территорий могут быть выделены и более мелкие районы, отличающиеся друг от друга более второстепенными, хотя обычно и более многочисленными культурными особенностями. Так, в только что рассмотренной прибалтийской историко-этнографической области вполне отчетливо выделяются три подобласти: юго-восточная, охватывающая восточные части Литвы и Латвии (Аукштайтия, Латгале, часть Видземе), а также юго-восток Эстонии, в особенности территорию расселения сету; юго-западная, включающая западные районы Литвы и Латвии (Занеманье, Жемайтия, Курземе и отчасти Земгале), и северная, к которой относятся эстонские острова и соседние районы запада и северо-запада материковой Эстонии. Как и всюду, между этими подобластями расположены переходные в этнографическом отношении зоны. Для юго-восточной подобласти характерны такие земледельческие орудия, как двухлемешная соха в различных вариантах, борона типа смыка или суковатки, серп с зубчатым рабочим краем в качестве основ-

¹⁵ Из обширной этнографической литературы по народам Волго-Камья наибольшее значение для вопросов, разбираемых в данной статье, имеют следующие труды: С. И. Руденко, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955; Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том X, М., 1951.

¹⁶ Еще в начале средних веков литовцы, по свидетельству некоторых источников, употребляли кумыс; до самых последних десятилетий не только у литовцев и латышей, но и у эстонцев была широко распространена верховая езда как мужчин, так и женщин.

ного орудия жатвы, различные формы цепов. Жилище в юго-восточной подобласти состояло из теплого помещения с русской духовой печью и холодных сеней, клетки бывали обычно одноэтажными, крытые гумна с ригами имели ворота — въезд на короткой стороне. В женской одежде большую роль играли различные виды передников и головные уборы в виде полотенца («нуометас» у литовцев, «наметс» у латышей, «линник» у сету). В орнаменте преобладали узоры красного цвета. Для юго-западной подобласти также были характерны пахотные орудия типа сохи. Однако при бороновании здесь уже очень давно употреблялась рамная борона с деревянными зубьями, а при жатве — коса с прямой рукоятью (которой предшествовал, вероятно, серп с гладким рабочим краем). Жилище состояло из теплых сеней с открытым очагом или камином и пристроенных к ним жилых помещений, отапливаемых из сеней. Клетки были почти всегда двухэтажными, риги-гумна имели ворота на длинной (боковой) стороне. В женской одежде рано распространились различные безрукавки и тяжелые шерстяные юбки. В орнаменте большую роль играли синий и зеленый цвета. Северная подобласть характеризуется распространением однолемешного рала в качестве основного пахотного орудия (соха здесь, видимо, совсем не была известна), своеобразной «коленчатой» бороны, состоящей из нескольких звеньев, палкообразным билом, употребляемым при молотье, серпом с гладким рабочим краем. Жилищем служила «рехетуба» (жилая рига), хозяйственные постройки были очень немногочисленны. Из составных частей женского костюма для этой подобласти характерны так называемые «кяйсед» (буквально — рукава) — тип короткой кофты, не доходившей до пояса, а также сложные головные уборы с твердой основой¹⁷.

Итак, мы выделили в Прибалтике три историко-этнографические подобласти. Вопрос о подразделениях внутри той или иной области должен решаться, конечно, в каждом отдельном случае на основе конкретных этнографических материалов. То же относится к «масштабам» самих историко-этнографических областей. Так, имеются основания для выделения на Кавказе двух историко-этнографических областей — северокавказской и закавказской. Но в то же время нельзя отрицать и наличия известной историко-культурной общности между всеми народами Кавказа таким образом, можно говорить и о крупной «кавказской» историко-этнографической области. Аналогично этому нельзя отрицать также наличия ряда общих культурных черт, характерных для Восточной Европы или для Средней Азии в целом. Вопрос о масштабе выделяемых историко-этнографических областей требует дальнейшей разработки и обсуждения.

Так как нашей задачей является дать лишь общее понятие об историко-этнографических областях, мы не будем рассматривать другие конкретные области в различных частях света.

Что дают понятия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей для конкретных этнографических исследований? Начнем с того, что эти понятия позволяют в каждом конкретном случае различать явления, непосредственно связанные с уровнем хозяйственного развития в определенных естественно-географических условиях, от явлений, обусловленных сохранением этнических традиций, которые, хотя сложились в прошлом на известном уровне развития в определенной природной среде, продолжают в дальнейшем длительное время сохраняться

¹⁷ См. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XII (посвященный этнографии Советской Прибалтики), М., 1950; «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXIII, М., 1954; Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории народов Советской Прибалтики в свете новых этнографических и антропологических данных, «Изв. АН Эст. ССР», 1953, № 4, стр. 494—504. Хорошей сводкой фактических данных по материальной культуре эстонцев является книга: I. Manninen, Die Sachkultur Estland B.1-II, Tartu, 1931—1933.

уже в новых исторических условиях. Выделение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей весьма существенно также для построения этнографической классификации. Надо помнить, что все принятые в настоящее время классификации народов мира построены, собственно говоря, на чисто лингвистических принципах. Ни в какой степени не отрицая значения таких классификаций, нельзя не признать назревшей необходимости создать и собственно этнографическую классификацию, основанную на выделении историко-этнографических областей и подобластей по характерным особенностям их хозяйства и культуры. Разработка такой классификации для народов Советского Союза, а затем и всего мира стоит в порядке дня советской этнографической науки. Наконец, очень существенное значение имеет разработка рассматриваемого вопроса для понимания тех культурно-географических общностей, которые выделяются археологами и фигурируют в археологической литературе под общим наименованием «культур».

Термин «культура» применяется в археологии в различных смыслах¹⁸. Так, иногда говорят о шелльской, мустьерской, мадленской и других палеолитических «культурах», понимая под этим определенные стадии развития техники первобытного общества. Обычно же в археологической литературе словом «культура» обозначается группа памятников, характеризующая сходством находимых в них вещей, по имени которых нередко получает свое название и сама культура (например, «культура крашеной керамики», «культура колоколовидных сосудов», «культура боевых топоров»). Наряду с этим фигурируют также наименования «культур», производимые от названий наиболее типичных памятников (например, «фатьяновская культура», «трипольская культура», «культура Яншао»). Наконец, в некоторых случаях в наименование археологических «культур» вкладывают этническое содержание и говорят, например, о «кельтской», «сарматской» культуре и т. д. Совершенно очевидно, что в указанных случаях речь идет о понятиях различного содержания.

У большинства советских археологов не вызывает сомнений положение о том, что «культура», или, точнее, «культуры» крашеной керамики не могут быть связаны ни с какой-либо определенной группой родственных племен, ни даже с группой племен, находившихся между собой в длительных исторических связях. Вопреки утверждениям Андерсена, Карлгрена и некоторых других зарубежных археологов, культуры эти возникли самостоятельно в различных областях, среди этнически и антропологически разных групп, живших на определенном уровне социально-экономического развития в сходных естественно-географических условиях. Общие черты, характерные для всех культур крашеной керамики, не являются этнически специфичными; перед нами, несомненно, не особая историко-этнографическая область. Правильнее всего видеть в рассматриваемой области определенный хозяйственно-культурный тип, который мы называли выше «типом мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий». Иначе следует трактовать ту общность, которую археологи выделяют как «андроновскую культуру». Несмотря на то, что область распространения этой культуры была весьма обширной (Южная Сибирь, степи Казахстана, южное Приуралье), здесь прослеживаются специфические особенности, свидетельствующие о тесных исторических связях и взаимных культурных влияниях человеческих коллективов, заселявших во II тысячелетии до н. э. все это огромное пространство. В данном случае речь может идти, конечно, не о хозяйственно-культурном типе, а об ином виде общности. Вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с этнической общностью или с историко-

¹⁸ О применении в археологии термина «культура» см., например, М. Е. Фосс, О терминах «неолит», «бронза», «культура», «Краткие сообщения ИИМК», XXIX, 1949, стр. 33—48; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР..., Введение.

этнографической областью, в состав которой входили различные этнические группы, говорившие на разных языках, но находившиеся в течение длительного времени в тесных культурных взаимоотношениях, требует специального исследования. Можно высказать предположение, что в состав одной историко-этнографической области входили различные племенные группы лесной полосы Восточной Европы, оставившие нам памятники культуры ямочно-зубчатой керамики между Уралом и Балтийским морем. Наконец, по отношению к ряду археологических культур, большей частью распространенных на сравнительно небольших территориях, можно предполагать общность другого типа — этническое родство. Так, например, определенным родственным племенным группам можно приписать такие культуры неолитического и энеолитического периодов, как «фатьяновская», «балановская», «культура Яншао» и другие.

Итак, под термином «культура» в археологии понимают общности различных типов. Совершенно очевидно, что там, где речь идет о культуре, соответствующей хозяйственно-культурному типу, предполагать этническую или языковую общность нельзя. Сложнее обстоит дело с теми археологическими культурами, которые соответствуют по своему характеру историко-этнографическим областям. В этих случаях бывает невозможно ответить на вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с родственными по происхождению и близкими по языку группами или же с разноразличными группами, выработавшими в результате длительного исторического контакта общие черты в своей культуре. Если представить себе, что об этнической принадлежности населения Прибалтики (или Приамурья) XVIII-XIX вв. пришлось бы судить исключительно по предметам материальной культуры, т. е. изучать их теми методами, какими только и могут располагать археологи, то, вероятно, был бы сделан вывод о языковом родстве и этнической близости населения Прибалтики (или Приамурья). А ведь этого, как мы знаем, нет. Пример этот должен служить, как нам кажется, предостережением против поспешных выводов о языковой или этнической принадлежности носителей тех или иных археологических культур. Это не значит, конечно, что археологи должны отказаться от стремления разрешать указанные вопросы; но их изучение должно основываться на сопоставлении многих особенностей культуры, в первую очередь тех, которые сравнительно мало зависят от уровня развития, направления хозяйства и географической среды. Всякое такое изучение, как нам кажется, должно включать решение вопроса о том, имеем ли мы дело со стадией развития, хозяйственно-культурным типом или историко-этнографической областью¹⁹.

Мы уже касались вопроса о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей с языковыми общностями. Кратко резюмируем некоторые выводы, относящиеся к этому вопросу. Какая-либо связь между хозяйственно-культурным типом и языком, очевидно, отсутствует: языковая общность всегда предполагает исходную историко-географическую общность, а одни и те же хозяйственно-культурные типы, как мы видели, могут складываться самостоятельно у народов, живущих на разных территориях; с другой стороны, один язык может распространяться среди народов, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам. Историко-этнографическая область может включать как группы, близкие по языку, так и группы, говорящие на языках, не связанных между собой по происхождению. Конечно, известные взаимные влияния между народами, входящими в определенную историко-этнографическую область, проявляются в какой-то степени и в сфере

¹⁹ Следует отметить работы А. П. Окладникова, посвященные выделению на археологическом материале культурных областей древнего населения Сибири. В известной степени можно проследить преемственность выделяемых А. П. Окладниковым «неолитических провинций» с позднейшими историко-этнографическими областями.

языка; но различные языки у этих народов могут сохраняться и в пределах единой историко-этнографической области.

Нам остается еще кратко остановиться на вопросе о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей с антропологическими типами²⁰. Ясно, что к одному хозяйственно-культурному типу могут принадлежать этнические группы совершенно различного антропологического состава. Так, например, среди мотыжных земледельцев тропического пояса мы встречаем негроидов Африки, различные веддо-австралоидные и южномонголоидные группы Юго-Восточной Азии, а также Океании, наконец, индейцев Центральной и Южной Америки. Еще более разнообразен антропологический состав кочевников-скотоводов степей, к которым принадлежат и негроиды Южной и Восточной Африки, и европеоиды Передней Азии, и классические представители монголоидной расы в степях центральной части азиатского материка. К охотникам и рыболовам лесной полосы — хозяйственно-культурному типу, в прошлом широко распространенному как в Северной Азии, так и в Северной Европе, относились и монголоидные, и европеоидные по своему антропологическому составу группы.

Что касается историко-этнографических областей, то здесь известная связь с антропологическим составом их населения может существовать. Формирование любого антропологического типа предполагает, как известно, длительные брачные связи внутри определенного коллектива и относительную изоляцию этого коллектива от соседних. Внутри одной историко-этнографической области имеются, очевидно, условия для этого процесса. Это не значит, конечно, что в состав каждой историко-этнографической области входит только один антропологический тип: образование любой историко-этнографической области могло ведь происходить на расово-разнородной основе. Но существование историко-этнографической области всегда ведет в той или иной степени к общению между входящими в ее состав группами, к брачным связям и, следовательно, к сглаживанию антропологических различий между ними. Так, среди народов, входящих в состав камчатско-чукотской историко-этнографической области, преобладает арктический монголоидный тип²¹, а среди населения западносибирской области — уральский антропологический тип²². Подобно этому в Прибалтике преобладающим типом является восточнобалтийский, постепенное распространение которого с востока на запад можно хорошо проследить по антропологическим данным, относящимся к различным историческим эпохам. Распространение это, по существу, и отражало те исторические процессы, которые вели к формированию самой прибалтийской историко-этнографической области²³.

Мы далеко не рассмотрели всей суммы вопросов, связанных с понятиями хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Это невозможно сделать в рамках короткой журнальной статьи.

Перед этнографами стоит задача дальнейшей углубленной разработки рассматриваемой проблемы. Настоящая статья является лишь попыткой осветить некоторые ее стороны, и естественно, что многие затронутые здесь вопросы остаются дискуссионными.

²⁰ См. подробнее: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, *Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза*, «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 22—35.

²¹ Г. Ф. Дебец, *Антропологические исследования в Камчатской области*, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том XVII, М., 1951.

²² Там же.

²³ Н. Н. Чебоксаров, *Указ раб.*